

— Вдовствующая императрица прибыла!

Этот возглас прозвучал подобно удару грома, вмиг разрушив тяжелую и напряженную атмосферу в теплых покоях. Рука Сяо Чэ, лежавшая на ладони Се Цинъяня, судорожно сжалась, а затем быстро разжалась. Бушующие в его глазах уязвимость и жажда убийства отхлынули, словно отлив, оставив после себя лишь бездонную ледяную пучину.

Он выпрямился, расправив плечи, и хотя это движение заставило холодный пот выступить на его висках, императорское величие вернулось к нему, неся с собой предчувствие надвигающейся бури.

Сердце Шэнь Яня тоже ушло в пятки. Та, что из дворца Цынин... наконец-то пришла! Он поспешно опустил ресницы, скрывая все эмоции и вновь превращаясь в того самого болезненного и тихого господина Мин-и, который якобы ничего не смыслит в происходящем вокруг.

Тяжелые створки дверей с поклоном распахнули евнухи, и в комнату медленно вплыл аромат сандала, смешанный с холодным запахом сливы. Вдовствующая императрица вошла, облаченная в темно-фиолетовое платье с узором из лотосов и накидку из меха черной лисы. Ее волосы были высоко уложены и украшены заколкой в виде девятихвостого феникса и несколькими серебряными подвесками. Ее осанка была безупречна, лицо выражало благосклонность, и лишь глубокие морщины у глаз выдавали властность и жизненный опыт человека, долгое время пребывающего на вершине власти. В руках она медленно перебирала гладкие четки из сандалового дерева.

— Император, — Вдовствующая императрица неспешно вошла в покои, ее голос звучал мягко, с нотками уместной заботы. — До меня дошли слухи, что ты ранен в результате покушения. Я места себе не нахожу от тревоги. Тебе стало лучше?

Ее взгляд сначала задержался на слегка бледном лице Сяо Чэ с материнской нежностью, а затем словно невзначай скользнул по склонившему голову Се Цинъяню. Ее глаза оставались спокойными и безразличными, будто она смотрела на бесполезный предмет интерьера.

Сяо Чэ не встал, лишь слегка кивнул, а в его голосе прозвучали нотки выверенной слабости и почтения:

— Благодарю матушку за беспокойство. Это сущая мелочь, недостойная того, чтобы тревожить ваш покой. Виноват, что заставил вас волноваться. — Он сделал жест рукой: — Прошу, присядьте.

Служанки тут же подставили стул из сандалового дерева с мягкой парчовой подушкой. Вдовствующая императрица грациозно опустилась на него, не сводя глаз с Сяо Чэ:

— Мелочь? Как же так, ведь мне доложили, что это был тот самый зловещий фосфорный огонь?

Ты — император, от твоего здоровья зависит судьба страны, как можно относиться к этому так легкомысленно? Чем вообще занимается Императорская медицинская академия?

В ее тоне сквозило искреннее негодование, словно она была встревоженной матерью.

— Академия сделала все возможное, матушка, не стоит беспокоиться, — Сяо Чэ ответил ровно, но его взгляд, острый, как у сокола, без труда улавливал каждое мимолетное движение на лице гостыи. — Больше меня тревожит другое: как в глубине дворца, под носом у самого Сына Неба, смогли оказаться столь жестокие убийцы, да еще и применившие южные яды! Похоже, пришло время устроить в дворцовой страже основательную чистку!

Его голос внезапно стал ледяным, а слова, пропитанные жаждой крови, подобно невидимым клинкам, устремились прямо в сторону дворца Цынин. В помещении воцарилась тишина. Стало слышно даже тихое постукивание четок.

Лицо Вдовствующей императрицы на мгновение едва заметно напряглось, а пальцы, перебиравшие бусины, замерли. Однако она тут же взяла себя в руки и с тяжелым вздохом произнесла с притворным состраданием:

— Ты прав, император. В этих стенах сердца людей непредсказуемы, порядок навести необходимо. Только вот... — она переменила тему, и ее взгляд снова «случайно» упал на Се Цинъяня, — до меня дошли слухи, что эта беда случилась из-за господина Мин-и? Если бы не его переезд, разве могли бы злоумышленники посягнуть на твое здоровье? Такая роковая краса, способная погубить государство... Императору стоит... подумать о назначении императрицы и наполнении гарема.

Шэнь Янь едва заметно дернул уголком рта, подумав про себя: это у твоего сына проблемы с головой, раз он решил насильно затащить мужчину в гарем, так что виновата во всем ты.

— Матушка, вы ошибаетесь! — Сяо Чэ резко прервал ее. Его голос не был громким, но в нем чувствовалась непререкаемая властность и почти маниакальная решимость защитить своего спутника. Он повернулся и с горящим взглядом посмотрел на Се Цинъяня, демонстрируя Вдовствующей императрице свою неприкрытую собственническую страсть: — Если бы Цинъянь не закрыл меня собой, отравленный арбалетный болт пронзил бы мне сердце! А фосфорный огонь — лишь дело рук обезумевших убийц! Цинъянь — мой спаситель! О какой роковой красоте может идти речь?!

Он намеренно выделил слова «закрыл меня собой» и «спаситель», словно закрепляя некую истину. Се Цинъянь все понял: Сяо Чэ сейчас обеляет его имя и заодно затыкает рот Вдовствующей императрице.

Пальцы императрицы, сжимавшие четки, побелели. Она видела, как Сяо Чэ не скрывает своего стремления защитить юношу, и в глубине ее глаз на мгновение промелькнула тень, но на лице вновь застыла маска сострадания:

— О? Неужели все так? Тогда я приношу извинения господину Мин-и. — Она повернулась к Се Цинъяню, ее тон стал безупречно мягким: — Господин пострадал, спасая императора, его преданность достойна похвалы, и я спокойна за государя. Император, — она снова посмотрела на Сяо Чэ, — раз господин Мин-и совершил столь великий подвиг и тяжело ранен, его следует щедро наградить. Как насчет того, чтобы пожаловать ему титул господина Мин-и и даровать право помогать в управлении шестью дворцами? Тогда он сможет на законных основаниях остаться рядом с тобой для восстановления сил. Что скажешь?

Право помогать в управлении шестью дворцами! Даже евнух Ван невольно поднял глаза от изумления. Это было подобно грому среди ясного неба! Мужчина, да еще и немой, получает титул господина, да еще и право управления гаремом? Это означало подставить Се Цинъяня под удар жгучей зависти всех наложниц и двора. Этот ход Вдовствующей императрицы выглядел как щедрая награда, но на деле был смертным приговором.

Зрачки Сяо Чэ сузились. Он смотрел на благостное лицо императрицы, и на его губах заиграла ледяная, жестокая усмешка:

— Матушка... вы и впрямь продумали все до мелочей ради меня и Цинъяня.

Он медленно встал. Несмотря на то что рана на спине мешала ему двигаться, исходящая от него властность была почти осязаемой. Он подошел к кушетке Се Цинъяня и под пристальным взглядом императрицы совершенно естественно взял его за руку, сжав пальцы с силой, не терпящей возражений.

В момент соприкосновения Се Цинъянь почувствовал жар ладони Сяо Чэ и легкую дрожь. Сяо Чэ, не отпуская его руки, обернулся к Вдовствующей императрице, и его взгляд, подобный двум ледяным клинкам, пронзил воздух:

— Заслуги Цинъяня я помню. Его титул и его место — решать только мне! Не стоит матушке утруждать себя! — Каждое слово звучало отчеканенно, с императорской прямоотой и явным недовольством вмешательством матери.

Он выдержал паузу и, бросив взгляд на четки в руках императрицы, усмехнулся еще холоднее:

— Что же касается управления шестью дворцами? Ха... Матушка, вы много лет управляли гаремом, ваш труд неocenим. Но теперь, раз вы всем сердцем стремитесь к Будде и постижению истины, вам больше не стоит утруждать себя мирскими делами. Я сам выберу достойного человека, который возьмет эти заботы на себя!

Гром! Это прозвучало как невидимый взрыв. Слова Сяо Чэ означали публичное лишение Вдовствующей императрицы власти над гаремом! Он безжалостно сорвал с нее маску благочестия. Это было открытое объявление войны, прямой вызов ее авторитету.

Лицо Вдовствующей императрицы наконец изменилось. Маска доброты, которую она так

тщательно поддерживала, треснула, словно разбитый фарфор. Она так сильно сжала четки, что сандаловые бусины издали жалобный хруст. Ее глаза, всегда смотревшие с состраданием, теперь сверкали, как острые ножи, впиваясь в лицо Сяо Чэ. Изумление, гнев, неверие и ярость бушевали в них.

— Император! Ты...! — голос императрицы сорвался на визг.

— Матушка! — Сяо Чэ перекрыл ее голос, звуча еще холоднее и властнее. Он крепче сжал руку Се Цинъяня, словно черпая в этом силы, и, не отводя взгляда от горящих гневом глаз императрицы, отчеканил: — Моя рана — пустяк. Вашу заботу я ценю! Если больше ничего нет, прошу, возвращайтесь во дворец! В храме дворца Цынин тишина и покой, они куда больше подходят вам... для самосовершенствования!

Последние слова он произнес с тяжелым, ледяным сарказмом.

В комнате воцарилась мертвая тишина. Воздух словно превратился в лед. Даже языки пламени в жаровне, казалось, замерли. Евнух Ван и А Ин уже давно лежали ничком на полу, обливаясь холодным потом.

Вдовствующая императрица впилась взглядом в Сяо Чэ, ее грудь тяжело вздымалась. Мышцы на лице подергивались, от бывшего благочестия не осталось и следа — только искаженное яростью лицо и глубокая, ввевшаяся в душу злоба. Она смотрела на Сяо Чэ, а затем на притихшего Се Цинъяня, прячущегося за его спиной. Ее взгляд был подобен отравленному клинку.

— Хорошо... хорошо... хорошо! — процедила она сквозь зубы три ледяных слова, каждое из которых было пропитано ненавистью. — Император вырос... оперился... а я... состарилась! Стала не нужна!

Она резко встала, и полы ее широких рукавов взметнулись, подняв холодный ветер.

— Я... возвращаюсь во дворец! — последние слова прозвучали так, будто донеслись из преисподней, неся с собой бесконечный холод и нерастраченную жажду убийства.

Она больше не взглянула ни на кого. Развернувшись, она в сопровождении служанок, с прямой спиной и окутанная аурой ярости, словно проигравшая, но не желающая склонить голову королева, вышла из покоев дворца Цяньюань.

Тяжелые двери закрылись за ней, отсекая удушающую атмосферу ненависти. Внутри по-прежнему царила тишина. Сяо Чэ не отпускал руку Се Цинъяня, сжимая ее еще сильнее. Его ладонь была ледяной, покрытой испариной.

Этот яростный поединок вытянул из него все силы. Боль в спине накатила подобно приливу,

заставив его высокую фигуру едва заметно пошатнуться. Се Цинъянь отчетливо чувствовал, как напряжено его тело и как он слаб в этот миг.

Он поднял голову и посмотрел на Сяо Чэ. Профиль императора в свете свечей казался пугающе твердым, линия челюсти была напряжена, а в глубине глаз застыла усталость и отголоски пережитого страха.

Сяо Чэ медленно повернул голову, встретившись с спокойным взглядом Се Цинъяня. В этом взгляде не было ни страха, ни отступления — только понимание и... легкий вопрос.

Сяо Чэ дернул уголком рта, пытаясь изобразить успокаивающую улыбку, но это движение лишь потревожило рану, заставив его судорожно вдохнуть. Он разжал руку Се Цинъяня, его голос звучал хрипло от усталости:

— Я... в порядке.

Он помолчал, глядя в ту сторону, куда удалилась Вдовствующая императрица. Его взгляд вновь стал холодным и острым, как у хищника, отслеживающего добычу, а слова прозвучали с ледящей решимостью:

— Будда из дворца Цынин... должен пасть. Эта партия... только начинается.

<http://bllate.org/book/20749/2080030>